

⁹ Отчет по Уфимской губернской земской больнице, аптеке, богадельне и патронажу для питомцев Губернского земства за 1914 год. Составлен старшим врачом больницы Б.П. Ручинским и др. Уфа, 1916. С. 42.

¹⁰ Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года (с приложением докладов губернской управы). Уфа, 1916. С. 227–229; Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания очередной сессии. 1–21 декабря 1915 года. Уфа, 1916. С. 87–88.

¹¹ Брон Т.М. Что сделано Уфимским городским управлением по борьбе с заразными болезнями во время войны. Б.м., 1916. С. 1–8.

¹² ЦГИА РБ. Ф. И-95. Оп. 1. Д. 3. Л. 151; Ф. И-340. Оп. 1. Д. 60. Л. 19–20, 85, 77.

¹³ ЦГИА РБ. Ф. И-149. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–30.

¹⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-95. Оп. 1. Д. 3. Л. 159, 9.

¹⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 554. Л. 6–8.

¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-387. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.

¹⁷ Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. Уфа, 1916. С. 38–41, 227–229.

¹⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-95. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Д. 3. Л. 14.

¹⁹ Григорьев Д.В. Этнополитические процессы в немецкой общине Республики Башкортостан. Уфа, 2005. С. 49.

²⁰ ЦГИА РБ. Ф. И-95. Оп. 1. Д. 3. Л. 31–32, 69, 93.

*М.Н. Потёмкина
(Магнитогорск)*

РОЛЬ ДЕНЕГ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ТЫЛА

Теоретические исследования монетарного мышления человека проводятся философами, социологами, экономистами и психологами, но пока не стала предметом специального исследования историков. Хотя смежные темы, такие как финансовая политика власти, материально-бытовое положение населения, бюджет и система налогообложения подвергались научному анализу. Сложность заключается ещё и в распылённости источниковой базы данной проблемы. В связи с вышесказанным данная статья носит постановочный характер.

Чтобы понять реальную роль денег в повседневной жизни различных категорий советских людей, необходимо обозначить значение денег в идеологической доктрине социализма. Теоретики социализма, как правило, считали, что вектором общественного развития на пути к коммунизму будет являться ограничение обогащения и ориентация на социальное равенство и его государственную поддержку. В своих теоретических трудах В.И. Ленин называл деньги «пережитком буржуазного грабежа» и прогнозировал их постепенное отмирание и замену торговли планомерным распределением продуктов¹. Официальная пропаганда показывала в качестве идеала равенство людей на основе материального минимализма, материальное благополучие позиционировалось как антиценность.

Период Великой Отечественной войны весьма показателен и обладал целым рядом особенностей. Главной целью финансовой политики государства было обеспечить военные расходы и не допустить обрушения финансовой системы страны из-за неконтролируемой инфляции. Нельзя было допустить большого разрыва между денежной и товарной массой. А товаров народного потребления выпускалось явно недостаточно, так как в условиях тотальной войны необходимо первостепенное снабжение армии и фронтовых нужд, значительная часть производственных мощностей была перепрофилирована на производство военной продукции, в первые месяцы войны значительная часть европейской территории СССР была оккупирована вра-

гом. Кроме фискальной задачи пополнения бюджета, финансовые мероприятия правительства преследовали цель изъятия денежной массы из оборота для того, чтобы не допустить чрезмерной эмиссии. Власть использовала различные способы изъятия денежных средств из оборота:

1) «замораживание» денежных вкладов населения (решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 ноября 1941 г.) — введение регулирования выдач вкладов из сберкасс и ограничение продажи свободно обращавшегося займа, заморозили и поступавшие на счета компенсации за неиспользованные отпуска.

2) введение чрезвычайных налогов (21 ноября 1941 г. введён налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан; 29 декабря 1941 г. — введён военный налог), помимо роста налогов увеличился также круг налогоплательщиков. Всего за период войны и вплоть до 1 января 1946 г. население СССР выплатило налогов и сборов на сумму 133 млрд руб.²

3) рост количества займов у населения (подписка на займы за 4 года войны дала в бюджет 89,7 млрд руб.³); причём интересен механизм их размещения.

4) денежно-вещевые лотереи (четыре лотереи за период 1941–1944 гг. собрали в бюджет 1,2 млрд руб.)

5) сбор денег у населения в Фонд обороны (за годы войны поступило более 17 млрд руб. наличными, а также 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, на 1,7 млрд руб. драгоценностей, более 4,5 млрд руб. облигациями государственных займов, более 0,5 млрд руб. вкладов в сберкассы — в ценах 1941 г.)⁴.

Лакмусовой бумажкой, демонстрирующей особенности советского монетарного мышления военного периода стала добровольная сдача денег в Фонд обороны. Главным побудительным мотивом этой статьи расходов в семейных бюджетах был патриотизм, усиленный идеологической обработкой населения. Кроме того, люди понимали, что в условиях дефицита товаров деньги сложно потратить, хранить деньги в условиях скрытой инфляции тоже было бессмысленно. Поэтому люди отдавали свои премии, гонорары, сбережения в фонды обороны, тем самым, наживая себе моральный капитал.

Менее значима стала роль денег для большей части населения страны в решении проблемы питания из-за перехода к нормированной системе снабжения. Оно было введено в городах страны осенью 1941 г. и касалось основных продуктов питания, позднее и некоторых групп промышленных товаров. Существовало 4 вида карточек в зависимости от степени общественной полезности; товары на карточки продавались по твёрдым государственным ценам.

Сфера торговли сузилась еще и по причине дефицита товаров народного потребления, когда широкое распространение получил натуральный обмен. Цены на колхозных рынках резко возросли, но продукты и вещи здесь имели большее значение, чем бумажные дензнаки. Стоимостные эквиваленты осенью 1941 г. на рынках г. Свердловска составляли: 1 кг картофеля = 1 кг хлеба = 1 л молока = 0,5 кг мыла; 1 л водки = 10–12 кг картофеля = 2–3 кг мяса⁵. Роль денег как меры стоимости чаще всего выполняла картошка: москвич Вержбицкий писал в своём дневнике осенью 1941 г.: «Все цены приравнены к картошке: 1 кусок хозяйственного мыла — 2 кило, пара ботинок — 8 кило, штаны — 10 кило, пила — 5 кило, носовой платок — кило. За колхозными саями с картошкой очередь вьётся змей»⁶.

Великая Отечественная война наложила свой отпечаток на социально-экономическое поведение населения. Все средства идеологического воздействия были сфокусированы вокруг одного лозунга: «Всё для фронта, всё для Победы!». Для населения советского тыла это означало мобилизацию людей на жертвенный труд. Достижение этой цели позволяло решить сразу несколько задач: направить максимальное количество усилий на производство военной продукции, свести к минимуму количество свободного времени, максимально ограничить сферу потребления, придав этому политический характер. А, значит, сделать материальные блага и деньги максимально ненужными. В таких условиях можно оправдать дефицит потребительских товаров и стимулировать добровольную отдачу денежных средств на «нужды обороны». Человеку некогда, не на что тратить деньги, а часто и нечего тратить. Всё это, как шитом, закрыто высокой и благородной целью (к выдвинутой в 1920-е гг. идеей строительство светлого коммунистического будущего в 1941 г. добавилась идея священной войны). Массовое сознание людей успокаивалось мифом о том, что в аналогичном положении находился «весь советский народ».

Но уровень доходов разных социальных групп при всей декларативности равенства оставался весьма дифференцированным. В реальной жизни зависимость доходов людей от реального трудового вклада была весьма условной. Привилегированным социальным слоем была партийная и государственная номенклатура. Высокий уровень жизни демонстрировала столичная творческая интеллигенция. В условиях нормированного снабжения и усилившегося дефицита товаров возможность дополнительных доходов (легальных и нелегальных) имели товароведы, бухгалтера, начальники ОРСов, кладовщики, работники карточных бюро...

Денежный оклад в советском обществе всегда играл для статуса и благосостояния его членов гораздо меньшую роль, чем приоритетный доступ к товарам и услугам. Ценность денежных знаков снижалась ещё и тем, что многие жизненные блага партийных и государственных чиновников — квартира, машина, дача — были не своими, а казёнными. Например, решением от 5 июня 1942 г. партийное руководство Челябинской области ввело абонентские книжки для снабжения себя сухими пайками через закрытые буфеты. Нормы пайка в месяц были установлены в зависимости от «ранга» работника: первый секретарь обкома имел право на паёк на сумму 1,2 тыс. руб., второй и третий секретари обкома, председатель облисполкома, уполномоченный комитета партийного контроля — тысяча рублей, остальной руководящий состав — от 800 до 300 руб. Оплачивались эти пайки из средств соцбыта облисполкома⁷. Аналогичные решения принимались как в центре, так и во всех регионах страны. Остальная часть населения также стремилась попасть в категорию «льготников», чтобы получить послабления по налогам или какие — либо пособия. Численность людей, имеющих право на государственные пособия, в годы войны возросло, прежде всего, за счёт семей фронтовиков, а также увеличения количества инвалидов и матерей — одиночек.

Средняя зарплата по РСФСР (по официальным данным Госплана) за 1945 г. составляла: у рабочего — 527 руб. 65 коп., у служащего — 512 руб. 57 коп.; у ИТР — 951 руб. 87 коп.⁸ Ставки партийной и государственной номенклатуры областного ранга и выше начинались с тысячи руб. Официальный минимум зарплаты в стране был определён в 130 руб. в месяц. Выборочная проверка ряда челябинских предпри-

ятий, проведённая Челябинским ОК ВКП(б) в начале 1945 г. показала, что месячные расходы на питание в столовой, хлеб, оплату общежития, починку одежды и обуви, стирку, баню, парикмахерскую, возможное приобретение одежды и обуви, покупку табака, посещение кино, театра, членские взносы общественным организациям составляют в среднем у рабочего-одиночки 400 руб. в месяц. Выборочная проверка зарботков показала, что такую сумму получают на руки от 22 до 62 % рабочего контингента⁹.

Среди незаконных способов получения доходов деньги тоже не имели в военное время приоритетного значения. Если до войны основным объектом хищений были деньги, то в войну — промтовары, продовольствие, предметы первой необходимости (соль, табак, спички, керосин и т.д.). Вырученные деньги преступники меняли на золото, иностранную валюту, золотые изделия и драгоценности. Широко распространились хищения нормированных товаров в магазинах, столовых, на базах и пищевых предприятиях. Причём, зачастую деньги фигурировали лишь виртуально. Продукты питания и другие товары по бумагам перебрасывались с одной торговой организации в другую, реально «уходили налево» и дензнаки в этих цепочках не участвовали¹⁰. Видом хищения, характерным для военного времени, были кражи и подмены вещей присланных из-за рубежа в качестве подарков или помощи, а также собранных населением в ходе субботников и воскресников в помощь семьям фронтовиков и т.д.¹¹ В годы войны появились новые виды взяточничества: укрывательство от мобилизации в армию (военкоматы давали незаконные отсрочки, врачи писали фиктивные диагнозы, директора заводов фиктивно зачисляли людей на должности, подлежащие бронированию.)¹² В прифронтовой полосе, воспользовавшись ситуацией паники, во время эвакуации имели место случаи присваивания государственных средств¹³.

Потребитель был лишён свободы выбора и суверенитета. Часть товаров распределялась бесплатно, но какие, кому и сколько — решало государство. Люди стремились попасть в какую либо льготную категорию: инвалид, многодетная мать и т.д. В годы войны этот список расширился за счёт семей военнослужащих. Другая часть товаров распределялась по карточкам по строго фиксированным государственным ценам. Причём покупатель вынужден был тратить не только денежные средства, но и время, физическую и психическую энергию (стояние в очередях и др.) — так называемые транзакционные затраты. Всемирно известная балерина М. Плисецкая, описывая свою жизнь в эвакуации в Свердловске, образно назвала её «годом стояния в очередях»¹⁴. Причём покупатель был вынужден «брать, что дают».

Уровень доходов абсолютного большинства населения был таков, что думать о том, куда потратить деньги, не приходилось. Вот стандартный перечень расходов в бюджете семьи, расположенный в порядке значимости: «выкупить карточки, затем оплата коммунальных платежей, подписка на займы и денежно-вещевые лотереи; хорошо бы купить что-то из обуви или одежды, если повезёт». Вот и всё. Другие категории товаров, даже если и появлялись на складах и в магазинах в конце войны, не находили спроса. На складах Челябинского Горпромкомбината по данным на 12 июля 1945 г. скопилось неходовых некачественных товаров на 667,3 тыс. руб. (домино, пуговицы, одежные крючки, игрушки). Особенно много на складе пудры: 1032 кг и сбыта нет¹⁵.

Дневники и письма московской студентки Татьяны Атабек (Репиной)¹⁶ матери из далёкой эвакуации содержат массу мельчайших подробностей военного быта: «Вот смотри, каков мой бюджет: 1 р. — супы, 2 р. — лук, 2 р. — редиска, хлеб — 1 р. И 3 р. 50 к. — стакан мацони (иногда покупаю 1 яйцо вместо мацони). Вот видишь, получается около 10 р. В день. Этого вполне мне достаточно и как донору. То есть на еду у меня уходит 300 р. Стипендия — 160 р. (правда, 60 р., вероятно, уйдёт на всякие военные налоги, заём — я подписалась на всю стипендию, на плату за общежитие и т.д.) и 200 р. от тебя. Больше совсем не надо»¹⁷.

Как мы видим, поле действия дензнаков (и так крайне ограниченное при социалистической системе) в годы войны ещё более сузилось.

Примечания

¹ Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225–226.

² Петухова Н.Е. История налогообложения в России 9–20 вв.: Учеб. пособие. М., 2008. С. 346.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 348.

⁵ Трифонов А.Н. Продовольственная проблема в городе Свердловске и пути ее решения в годы войны // Урал в 1941–1945 гг.: экономика и культура военного времени. Челябинск, 2005. С. 156.

⁶ Горинев М.М. Будни осаждённой столицы: жизнь и настроения москвичей (1941–1942 гг.) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 6.

⁷ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 8. Д. 45. Л. 48–50.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 3. Д. 1149. Л. 1а.

⁹ На защите экономической безопасности государства 1937–2007 / Авт.-сост. Д.В. Смирнов, Л.Б. Коган. Челябинск, 2007. С. 77, 85.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 256. Л. 119.

¹¹ ГАРФ. Ф. А-415. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 157. Л. 29–32.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 157. Л. 86.

¹⁴ Плисецкая М. Я, Майя Плисецкая. М., 1994. С. 75.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1966. Л. 2–6.

¹⁶ Репина Т.А. К биографии военного поколения. М., 2004.

¹⁷ Там же. С. 49.

*В.С. Прядеин
(Верхняя Салда)*

РОЛЬ СОРЕВНОВАНИЯ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ

Социалистическое соревнование, о котором многие десятилетия вздохнули советские средства массовой информации, по которому защищены сотни диссертаций; соревнование, которое в 1960–1980-е гг. густо заросло чертополохом формализма и показухи, а во второй половине 1980-х гг. было обильно посыпано бранью и ругательствами, состязание от которого официально на самом высшем уровне «открестились» в 1990 г.¹ и которое все последующее десятилетие было покрыто плотной пеленой забвения², — это соревнование, как птица Феникс, возникает из пепла, возрождается. Вот некоторые факты об этом свидетельствующие³:

Постановление законодательного собрания, правительства Пензенской области, областного комитета профсоюза работников АКП от 29 августа 2001 г. № 329-п «Об